

Леонид Левинский

«НО ПОЮТ ЛЮДИ...»

Как-то в прошлом году, когда в отделе мы думали о планах на девяносто второй, решили в рубрике «Стихи-песни» дать два-три микро-интервью с авторами городского романа 50—70-х годов и, разумеется, сами эти романы — кем-то забытые, кем-то ползающие, а кому-то и вовсе неизвестные. Сразу подумалось о Горбове, о Сосноре...

С Виктором Соснорой кто-то познакомил меня в университете. Давно это было, во второй половине пятидесятых. Многие подробности той жизни рассеялись во времени, то, что, видимо, нужно было памяти, — запало в нее на годы.

Помню один из вечеров в общежитии филфака. В комнате, в центре, на стуле у стола, уставленного по-студенчески скромной (но по нынешним временам — просто роскошной) снедью, сидит в расстегнутой рубашке темноволосый, загорелый, подтянутый, тонкий, как джигит, Соснора. И только удивительно беззащитная улыбка выдает его смущение, робость, неуверенность. На четырех койках — впритык — обитатели этой и других комнат, и еще на стульях, на подоконнике — кто где.

Но вот улыбка улетучивается с его лица. Виктор берет гитару, касается струн и начинает петь:

Летел Литейный в сторону вокзала,
Я шел без денег и без башмаков.
Она, моя любимая, сказала,
Что я окопчусь в дебрях кабаков.

И, несмотря на все нарастающую дерзость припевов, которых мы ждем, затаив дыхание, пока Виктор поет куплет, чтобы залхватски пропеть вместе с ним в очередной раз: «Ушел я круго...», — как вся эта песня грустна, и вся про нас, и хоть мы бедны (стипендия — крохотная), но без башмаков не ходим — все равно про нас.

Попробуйте подряд прочесть одни куплеты (без припевов). Все в них безадресно, неопределенно, туманно. Но в этой зыбкости и полунамеках — вся прелесть, очарование, магия самых обыкновенных слов.

Не берусь утверждать, что так воспринимали песню все мы. Я — так. Думаю, что и многие, кто слушал ее в те годы — примерно так же. И хоть началась «оттепель», но мы-то видели, как с ноябрьской демонстрации 56-го наших университетских уводили с Дворцовой площади за лозунги в поддержку венгерской революции. Некоторых увели надолго.

Все вроде бы было благополучно. И государство наше вышло незлыблемым оплотом мира и социализма над унылой равниной загнивающего капитализма. И все-таки... Перед последним куплетом абсолютная тишина воцарялась в тесной комнате общежития. И после паузы, тихо, хором, мы начинали: «Шатаюсь, как (снова пауза и — уже во всю мощь молодых голосов) устоя государства...» И столько было в этом юного озорства, бесшабашной удалости и... фронды. Вот по всему по этому это была наша песня — о нас, про нас.

Когда Соснора сказал мне, что сейчас ее, наверное, не помнят, я возразил. Поют. Все эти три с лишним десятка лет. И не было ни одной — по любому поводу и в любом составе — встречи бывшей университетской братии, чтобы не пели на ней «Литейный».

Я уже говорил вначале, что публикацию романсов мы решили предварять небольшими интервью с их авторами. Но тут возникла сложность. Дело в том, что несколько лет тому назад Соснора тяжело заболел. В ту пору лето он проводил, как правило, на хуторе, близ Отепя. Один из острых приступов болезни начался там. Состояние было тяжелейшее. И эстонские врачи сделали все, чтобы Соснора выжил. Он выжил. И встал. И вернулся к работе. Но долгое и мощное лечение антибиотиками не прошло даром. Виктор потерял слух. Нет, он не чувствует себя изолированным от мира. Есть у него и слуховой аппарат. В разговоре он хорошо слышит слова с губ. Меня, во всяком случае, он всегда понимает. И все-таки общение затруднено. Разговор приходится поддерживать с карандашом и бумагой в руке. Словом, жанр интервью явно не подходил...

Когда я рассказал Виктору о нашей затее, он очень обрадовался, засиял, сказал, что никогда не думал, что об этом кто-нибудь когда-нибудь вспомнит и что песни его кому-нибудь понадобятся. Я сказал и про интервью и тут же предложил: «Хочешь, не буду тебя мучить вопросами, а сложу их все в кучу и дам тебе. А ты в кучу ответишь. Идет?» — спросил я. «По рукам», — ответил Виктор. Вот мои вопросы «в кучу».

Хотелось бы, Виктор, чтобы ты рассказал об обстоятельствах написания твоих песен (особенно — самой первой из них): время, место, ситуация, побудительный мотив (желание попробовать себя в этом жанре или — откликнуться на моду, да мало ли что?). Как долго работал над ней? Сразу ли мелодия родилась? Словом, как она (песня) возникла в тебе, что ты знаешь о ее судьбе после того, как она «оторвалась» от тебя и зажила самостоятельно? И еще. Может быть, если захочешь, несколько слов о песнях (романсах) 50—70-х годов, может быть, кого-нибудь из авторов назовешь. Что думаешь о судьбе жанра? Пишешь ли песни сейчас? Сколько всего написал? Вот такими тебя завалил вопросами. Заранее — спасибо!

Я попросил его еще сами стихи непременно в авторской редакции, ибо мы впервые вводим в читательский обиход эти песни, та пусть уж текст будет авторский, а то бытует много искажений «исправленных» вариантов. Даже в «Литейном» поют, кто — «Ушел я круто...», кто — «Пошел я круто...». Соснора согласился.

Через некоторое время, в установленный день, я пришел к нему в Дом творчества в Комарово. «Все готово. Как договорились», — с порога сказал мне Виктор, усадил, дал машинописный текст отчета и стихи. И сел напротив. Окно было распахнуто настезь — сосны, в небо, в тишину. Впрочем, тишины Виктору хватает... Я читал. Он улыбался, когда улыбался я, и вытягивал шею, заглядывая в страницу, пытаюсь угадать, где я читаю и что меня развлекло. Он прочел, встал и пожал ему руку. «Годится?» — неуверенно спросил Виктор и вдруг — на мгновение — в глазах его и в уголках губ скользнула удивительно беззащитная улыбка, та самая, что и тридцать с лишним лет назад, за минуту до того, как он запел тогда «Летел Литейный...» Я положил руку на его плечо. Он прощиял.

Прощаясь, я сказал, что считаю его «Майора» одним из первых в нашей литературе произведений о неформальных отклонениях в современной армии. «А что? — лукаво спросил Соснора. — В этом есть резон». И было видно, что он очень доволен за своего майора, а вернее — за пекаря.

Ну, а теперь — его ответы и песни в авторской редакции.

Виктор Соснора

В начале 50-х в «Смене» вышел фельетон «Джон с Горохового переулка» о моем друге, позже летчике-космонавте. Через неделю пошел шквал. «Смена», «Ленинградская правда» (больше газет не было) поперебой печатали сатиры — «Плесьень», «Золотая молодежь», «Выродки» и т. д. — это обо мне и моем друге светлой памяти геологе Темпе Смирнове. Мы — дети Невского проспекта, я жил на Стремянной, Темп — на Ракова. Мы ходили в башмаках на толстой подошве, в узких брюках, в галстуках, носили волосы «ком». Хочу отметить особую роль Владимира Ивановича — блестящего мастера-закройщика с Суворовского проспекта, он нас обшивал. Галстуки — вот что привело газеты в бешенство. Аппаратчики и все чиновники из ВЛКСМ ходили еще во френчах, без сорочек. Хрущев впервые надел галстук, едя в Америку. Собирались мы в столовой у Дома искусств. Я не могу писать дальше о меню и блюдах, которые там давали, — сердце бедное трепещет. Через несколько недель отряд невских денди в составе одиннадцати человек был разгромлен ленинградской милицией, а также полным составом артиллерийского и какого-то военно-политического училища.

Такова предстория песни «Летел Литейный...». Ее пели долго последующие полки хиппи и студентов. Так что любовный мотив тут несуществен, это скорее тризна, плач по собственному покрову юности и о наступлении волюнтаризма в одежде, еде, любви, в книгах и в вине. Я грущу по вину.

А моды на авторскую песню тогда не было, пели песни советских композиторов, не было еще Булата Окуджавы, был один Глеб Горбовский с его «Фонариками», и их пела вся страна, вообще раз в них нечто старинное, из кинофильма или из цыганского хора.

Я не только не работал над песнями, но даже не записывал их. Вообще-то мы тогда легко относились к авторству. Я видел свои песни под другими фамилиями, если хотят — могу подарить.

В моих романсах музыка полузаимствованная, она на бивший мотив или смесь из разных, так «Летел Литейный...» — вариация «Аргентинского танго» Чарли Чаплина и мой мотив. Настоящие музыканты городских песен — только Булат Окуджава, Новелла Матвеева и Александр Мирзоян, у остальных — конечно же, не музыка, а напев, это может сочинить (и сочиняет!) почти каждый.

Я не «песенник», у меня штук десять их, да и то тридцати-сорокалетней давности, да и неинтересны они мне, так, для архива времени. Из этого жанра до сих пор кое-как живет среди солдат «Вечер солдате зарыл». Остальные почти исчезли. Да в Канаде поют мой «Марш белой гвардии», но это я писал специально для театра Ленинского комсомола (спектакль «Дни Турбинных»).

Сейчас я песен не пишу, потерял слух, и читать партитуры разучился.

Судьба жанра бесперспективна, как рисунки на песке. Но поют люди...

□
Летел Литейный в сторону вокзала.
Я шел без денег и без башмаков.
Она, моя любимая, сказала,
что я окончусь в дедрах кабаков.

Ушел я круто, —
пока, пока! —
прямым маршрутом
по кабакам.
Сижу и пиво желтое солю.
— Офицант, сто пятьдесят! Салют!

Она была труслива, как лягушка,
и холодна, как в стужу вишнегрет,
она хотела для постели мужа,
а днем меня хотела для бесед.

Ушел я круто,—
пока, пока! —
прямым маршрутом
по кабакам.
Сажу и пиво желтое солю.
— Официант, по маленькой! Салют!

Кабак гудит, как зало ожиданий,
но ожидать мне нечего давно!
Все, что болит, конечно, перестанет,
все промелькнет, как кадр из кино.

Ушел я круто,—
пока, пока! —
прямым маршрутом
по кабакам.
Сажу и пиво желтое солю.
— Официант! Четыреста! Салют!

Шатаюсь, как устои государства,
я выхожу один из кабака,
я пропил все — и бобочку*, и галстук,
и память о любви наверняка.

Ушел я круто,—
пока, пока —
прямым маршрутом
по кабакам.
Сажу и пиво желтое солю.
— Официант! Полбанки... и салют...

Шахматная баллада

Жила на свете королева,
чувствительная как реле,
прекраснолицая как Ева,
жила мечтой о короле.

Томилась в утепленных залах
без наслаждений и кручин.
До короля она не знала
каких бы ни было мужчин.

Король увидел королеву
и сделал вид, что полюбил,
ее, как лилию, лелеял,

* Бобочка — рубашка с короткими рукавом.

Ушел он на четыре клетки,
самовлюбленно крикнув
«цел!».
А королеву под коленки
подрезал саблей офицер.

Могла бы выжить королева,
но умерла — ему на зло...
И так сказало поколение:
— Все от любви
произошло.

□
Вечер солнце зарыл.
До костей дрожь.
От зари до зари
дождь, дождь, дождь.

Восем воеет сержант —
не говори!
— Тверже ногу держаты!
Раз, два, три!

Переправлю на юг,
в жаркий каюк,
на губе загною!
Загублю! —

Не грози загубить.
Знаю губу.
Если надо, с губы
убегу!

И не очень пророчь
жареный юг.
Хочешь в темную ночь —
«темную»?

Карабинами в бок
и за погон,
сапогом между ног,
са-по-гом!

Вечер солнце зарыл.
Песня — хрип.
От зари до зари
раз — два — три!

□
У майора жена
белобрыса, жирна —
пенка!
И встречался с женой
рядовой — полковой
пекарь.

Говорила: — Не мучь,
вот разнохает муж —
драма!
Так прикидывалась,
опрокидываясь
в траву.

Приключилась вчера,
как конфорка, черна
ночка.
И заметил майор:
из-за печки ее —
ножка!

Побледнела, как сыр,
подтянула трусы
ловко:
— Он меня изнаси...
он меня изнаси-
ловал!

Что же тут порешить?
Пекаря порешить
надо!
Пекаря повели
в дисципли-дисципли-
нарный!

Стер помаду со щек,
натянул на плечо
сумку.
И сказал рядовой,
отстраняя конвой:
— Сука!

У майора жена
белобрыса, жирна —
пенка!
И встречался с женой
совершенно другой
пекарь.